

ВИКТОР ПОТИЕВСКИЙ

Русса

ПАЛЬМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6
П64

Потиевский В.

П64 Рисса : [повесть] / Виктор Потиевский. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2020. — 101 с. — (Серия «Пальмира — природа»).

ISBN 978-5-517-02104-5

Повесть известного современного писателя, журналиста и ученого Виктора Потиевского о рыси по кличке Рисса, которая возвращается в родную тайгу.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-517-02104-5

© Потиевский В. А., 2020
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2020

1. ОХОТА

Вторую ночь ей не везло. Она пластом лежала на толстом суку осины, вытянувшись и застыв, как неживая. Ее пушистый подбородок словно прирос к жесткому дереву. Она будто сливалась с осиной, растворяясь в густом лесном мраке. Глаза ее, холодные и желтые, пронизывали не только плотную мглу, но, казалось, и стволы и кроны деревьев.

Вторую ночь она напрасно ждала добычи. Терпеливо. Не шелохнувшись. Напряженно вглядываясь в темень.

Долгое ожидание утомляет, но оно таит в себе надежду. Чем сильнее сидящий в засаде, чем больше он укреплен соками жизни, тем больше у него выдержки и терпения. В охоте из засады есть коварство, но — иначе не победить, не обмануть великую силу самосохранения, владеющую каждым живым существом. И даже сильные приспособляются. Каждый куст, навес скалы и густые ветви могут быть местом засады. Жизнь в лесу полна опасностей. Тень выглядит тревожно, за деревом прячется неизвестность...

Жители леса всегда настороже.

Большой пушистый барсук высунул нос на волю. На заросшем кустарником склоне незаметен выход из норы, прикрытый снеговым козырьком. И барсук высунул только нос, осторожно принюхался к клунному зимнему лесу. Ночь показалась ему теплой. Вот он и решил выглянуть, а если не опасно, то и выйти погулять, подышать лесными запахами, посмотреть на далекие звезды. Потоптаться на лунном снегу.

Яркая луна вышла из-за тучи. Длинные тени деревьев поползли по опушкам. И снег засветился изнутри.

Рысь хорошо видит ночью. А лунная ночь для нее — словно яркий солнечный день для нас. Сейчас она видела барсука, видела даже маленькую обломанную ветку на той стороне поляны — на расстоянии десятка хороших прыжков. А зайцев она заметила бы и на краю опушки. Но с прошлой ночи эти лопухие вовсе не появлялись. Обычно они резвились в такую пору. А тут словно пропали куда-то. Что их испугало?..

В небе ярко мигали холодные февральские звезды. Луна словно оголила лес, сделала прозрачным. В такие ночи смутная тревога заползала в ее сильное сердце. Казалось, весь лес очутился во власти этой таинственной, всевидящей луны.

Поддаваясь лунному зову, завыл волк. Он выл, жалуясь на судьбу, на голод и холод. Но была в его голосе и жесткая угроза, вызов, готовность схватиться с любым соперником за право на добычу, за право жить. Еще два сородича подтянули печальную песнь, вкладывая всю тоску волчьей души в этот вой. Так вот почему попрятались лопухие... Рисса хорошо знала волков. Знала их силу и беспощадность. Знала их ум. Волчье упорство и бесстрашие. Но они не умели лазать по деревьям. И по-

этому она смотрела на них как бы из другого мира. С любопытством и немного свысока. Никогда, однако, не забывая об осторожности. Знала Рисса и эту волчью семью. Прошлой зимой, когда они приходили сюда, их было шестеро. Вожака звали Вой. За сильный, пронзительный голос. Когда он затягивал свою голодную песню, сородичи его немедленно откликались, а у тех, кто был слабее волков, леденели сердца. Даже Риссе — сильной и независимой — становилось как-то не по себе...

Когда раздался голос вожака, Рисса сразу узнала его. Вой! Летом эта семья уходила далеко, в края льдов и скал, где леса были невысокими, а холмы большими и где кочевали многочисленные стада оленей. В середине зимы волки охотились здесь, а в самое голодное время, в марте, уходили еще южнее. Но с первым теплом снова возвращались туда. В том холодном краю, в низинах между сопками, и создавалась эта суровая, беспощадная семья. Там весной и появились на свет молодые волки, подвывающие теперь могучему вожаку.

Вслушиваясь в переливы волчьих голосов, Рисса совсем потеряла надежду на охотничью удачу. И вдруг на другом конце поляны показался заяц. Выгнанный приближением волков из своего убежища, он стремительно неся по светящейся лунной тропе, мелькал между деревьями, быстро приближаясь к Риссе, замершей над тропой.

Азарт охоты сжал ее в жесткую пружину. Даже кончик короткого хвоста трепетал, будто сотканный из нервов. Когда до прыжка оставалось несколько мгновений, она вдруг увидела их. Волков было шестеро. Они бежали один за другим, бежали быстро, захваченные азартом погони. Конечно, заяц — не добыча для голодной стаи. Но волк есть волк: пока голоден, он будет

гнаться за любым зверьком. Осторожная Рисса на мгновение замешкалась, но голод, долгое ожидание и, наконец, раздражение, что у нее хотят отобрать ее добычу, победили. И она прыгнула. И страх, и злобу на волков, и обостренное чувство опасности — все вложила она в этот молниеносный прыжок. Беляк даже не успел почувствовать свою гибель... С добычей в зубах рысь в два прыжка взлетела на соседнее дерево под носом у голодных волков.

Серые так обозлились, будто рысь перехватила у них не зайца, а лося. Они скалились, они клокотали от ярости, они закружились под деревом.

Держа в зубах зайца, Рисса наблюдала за волками. Немного выждав, начала есть. Облизываясь и поглядывая вниз, она видела, каким огнем горели эти шесть пар глаз. Ненавистью светились эти глаза. И завистью.

Это была вовсе не их добыча — рысь не украла убитого ими зверя. Но надежды отобрать у нее ужин не было никакой. И волки завидовали.

Даже при виде орла, терзающего добычу где-то на скале, на недоступной высоте, волки всегда раздражаются. Как будто никто, кроме них, не имеет права на добычу.

Сейчас они были голодны. Но волки умные звери. И они ушли. Ушли, понимая бессмысленность ожидания. Молча, цепочкой, след в след...

Солнечный день стоял над лесом. Резко крикнула сойка. Переливались голоса снегирей и синиц. Но Рисса не видела искрящегося снега. Днем она привыкла спать. В своей уютной пещере с узким входом она чувствовала себя спокойно. Сладкая дремота отяжеляла ей веки.

Сквозь дремоту она хорошо слышала все, что происходило вокруг.

Скалистый холм, возвышающийся над лесом, имел уступ, который, углубляясь в скалу, образовывал пещеру, неглубокую, но достаточную для того, чтобы в ней могли спрятаться пять таких зверей, как Рисса.

При выходе из логова Рисса осматривала окрестности, замечая малейшее движение даже далеко внизу. Место было удобное, укрывало от непогоды, создавало почти незнакомое Риссе чувство покоя. Она дремала на сухой траве и на мягких остатках шкур пойманных ею зверей. Она любила подгребать под себя лапой эти шкуры. Они напоминали ей ночи охоты, вкусно пахли удачей, приятно щекоча ноздри уже слабым, хорошо знакомым запахом добычи. Но и без ароматной травы Рисса тоже не могла. Она пучками срывала ее неподалеку от пещеры, приносила в логово, не спеша жевала. Она знала вкус трав. А высыхая, травинки еще сильнее пахли дурманным, горьковатым духом июля в самую ледяную и метельную пору.

За порогом логова сверкал день, а здесь было почти темно. Даже пронзительные звуки дня долетали сюда приглушенно и, натываясь на черные своды пещеры, глохли и умирали. словно сама ночь притаилась здесь, в холодной глубине скалы, и, мерцая рысьими глазами, ждала своего часа.

Сумерки застали Риссу уже на ногах. Она мягко ступала по каменному карнизу скалы, пронзая жестким взглядом сгущавшуюся мглу. Прошла по каменистой тропе до зарослей, спустилась в чащу, осторожно двигаясь между деревьями.

И вдруг Рисса почувствовала чье-то быстрое приближение. Хотя звук летит быстрее самых быстрых лесных

жителей, она, пожалуй, именно почувствовала, а не услышала это приближение. И поняла, что это где-то наверху, на деревьях. В одно мгновение Рисса взлетела на толстую наклонную сосну, туда, где можно было перехватить добычу.

Они возникли все-таки неожиданно, хотя Рисса напряженно ждала. Впереди, спасаясь, бешено неслась белка, ужас неминуемой гибели ускорял ее стремительные прыжки. И, настигая ее, следом легко мчалась куница, точно рассчитывая каждый бросок с дерева на дерево.

Рисса тотчас остановила выбор на добыче покрупнее. Пропустив белку, она резко спружинила и, вытянувшись, зависла в длинном прыжке. Она хотела схватить куницу на лету или хотя бы сбить ее лапой. Но быстрая куница вовремя заметила опасность. Уже в полете резко вильнула хвостом и пролетела чуть правее. Этого оказалось достаточно — рысь промахнулась.

Не всегда приходит удача на охоте. Рысь часто остается ни с чем — и после преследования, и после нападения из засады. Никто не хочет становиться добычей. Но в момент, предшествующий нападению, она уже словно бы чувствует в зубах свою жертву, ощущает ее вкус, запах ее крови. И когда неожиданно добыча ускользает, Рисса каждый раз испытывает недоумение. Удивление. Как же так? Ее добыча — ушла. Ее ужин — вдруг убежал по вершинам сосен. И Рисса редко преследует ускользнувшую добычу...

Воткнувшись в сугроб всеми четырьмя лапами, растерянно, как-то даже смущенно, смотрела Рисса вслед ушедшей кунице. Она слышала и белку, которая убежала в противоположную сторону, невольно спасенная рысью от гибели.